

Title	Обломов и литература
Author(s)	Бонамур, Жан; ポナムール, ジャン
Citation	スラヴ研究, 28, 1-11
Issue Date	1981
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/5116
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000113101.pdf

ОБЛОМОВ И ЛИТЕРАТУРА

Жан Бонамур

Проблематика “Обломов и литература” звучит несколько парадоксально. Во-первых, потому что тема литературы в романе Гончарова занимает, казалось бы, далеко не первое место (главные персонажи не занимаются литературой, да и высказываний о литературе вообще относительно мало); во-вторых, литературное, художественное творчество традиционно мыслится в русской литературе, по крайней мере со времен романтизма, как высшее проявление человеческой деятельности (в творчестве Пушкина например, так и в общественном восприятии пушкинского наследия), тогда как Обломов стал символом, образцом неудачника; мало того, даже как неудачник он, как кажется, не имеет непосредственного отношения к этой области, к писательству не имеет претензий, в отличие, например, от своего предшественника Тентетникова (из второй части “Мертвых душ”), который мечтает о большой книге о “России во всех отношениях”.

Однако, такой подход, очевидно, страдает односторонностью. Косвенным доказательством этому служит тот факт, что на всем протяжении своего творчества—в частности в своей трилогии, Гончаров уделяет большое внимание проблеме литературы и искусства (см. например Райского в романе “Обрыв”). Было бы странно, если бы мы не встречались с этой проблематикой—пусть в другом виде—в наиболее удачном и близком ему произведении. Иначе говоря, возможна, по поводу романа “Обломов”, такая упрощенная и условная постановка вопроса: где же в романе таится художник? На такой вопрос система персонажей не дает прямого ответа: очевидно Штольц, даже если его воспринять условно как тип “положительный” в писатели не годится. Но дело, конечно, не в приурочивании этого термина к какому-нибудь персонажу, дело в литературе, как творческом принципе: как проявляется эта тематика в романе и какую Функцию она играет?

Интересно, что с первых же страниц романа речь заходит о литературе. Спор Обломова с Пенкиным о современных течениях несомненно отражает мысли и вкусы самого Гончарова, его протест против обличительной литературы, ставящей себе узкую социальную задачу: “...изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут не забудь! —почти кричал Обломов. —Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью”¹⁾. И дальше Обломов “вдохновенно” протестует против формулировки своего собеседника, предлагавшего “извергнуть из гражданской среды” падших людей. “Это значит (говорит

1) Гончаров, *Собр. соч.*, М., Художественная литература, 1953, т. IV, стр. 30.

Обломов) забыть, что в этом негодном сосуде присутствовало высшее начало; что он испорченный человек, но все человек же, то есть вы сами. Извергнуть! А как вы извергнете из круга человечества, из лона природы, из милосердия божия?"²⁾. Нет надобности здесь прокомментировать эти слова в контексте гончаровских идей об искусстве и русской литературной жизни, достаточно отметить пока явно христианскую окраску этой речи, ее эмоциональную приподнятость и — главное — выдвинутую концепцию литературы, как понятия глобального, всеобъемлющего, внутри которого сходятся ум и сердце, искусство и мораль, человек и вселенная (вспомним известное гончаровское сравнение жанра романа с морем). Такое высокое представление о литературе, конечно, отчасти унаследовано от романтизма и недаром Обломов в молодости увлекался поэзией со всей традиционной идеалистической восторженностью юношеского романтизма: "Зато поэты задели его за живое: он стал юношей, как все. И для него настал счастливый, никому не изменяющий, всем улыбающийся момент жизни (и т. д.)"³⁾. Следует подчеркнуть, что такая способность к восторгам, душевная чистота являются неизменными атрибутами персонажа до конца романа.

Этим далеко не исчерпывается его отношение к литературе, в широком смысле этого слова, и начиная с самого простого и основного его значения: с самого процесса писания. Удивительно, что Обломов, несмотря на то, что он не писатель — как мы заметили — очень часто описывается в ситуации человека, которому не пишется (он должен писать, а у него не получается), то есть в ситуации очень характерной для писателя или точнее для процесса писания. На каждом шагу Обломов должен написать письмо и откладывает (или — вариант — вдохновенно и быстро пишет письмо к Ольге), и его апатия преимущественно выражается в этом постоянном отлагательстве. Правда, дело идет о низших формах писания (деловые письма) но эти низшие формы приобретают, благодаря пассивности героя, почти метафизическое значение, становятся неотъемлемой частью, символом его судьбы. Крайним примером является деятельность Обломова — чиновника который подал в отставку потому что, переписывая, спутал Астрахань с Архангельском. Обстановка, суеверный страх героя и магическая сила слова напоминают, конечно, гоголевскую "Шинель" (к значению богатой в романе гоголевской традиции, вернемся ниже).

Вообще, литература или, в расширенном понятии, культурная жизнь играет особенно важную роль в любовной интриге и в характеристике Ольги и Штольца — Новые книги, выставки, музеи, злободневные общественные вопросы: таковы их интересы, поле их деятельности, путь их развития. Обломов должен приобщаться к этой культурной жизни, которая мыслится и описывается Гончаровым одновременно как социальный институт и как необходимое условие для духовного развития

2) Там же.

3) Там же, стр. 65.

ОБЛОМОВ И ЛИТЕРАТУРА

современного интеллигента. “Обломовщина” как раз, проявляется в неспособности полного приобщения к этой культурной жизни. Однако тут намечается явное расхождение между автором-мыслителем (моралистом) и автором-художником. Как не раз было замечено литературной критикой, “положительный” герой Штольц страдает схематичностью. Чисто психологические (типа: “персонаж—слишком прост, и потому, малоправдоподобен”) или эстетические (“неудачен”) объяснения этой схематичности, хотя и верны, недостаточны. Тут главное—функция персонажа Штольца (оставим в стороне более сложный образ Ольги) в системе персонажей, в частности по отношению к функции Обломова: Штольц вполне отождествляется с понятием культуры как данное, как социальный институт (он—идеальный читатель, идеальный посетитель музеев, идеальный справочник и т. д.), тогда, как Обломов всегда выступает как личность, выражающая творческий принцип (хотя бы своей неспособностью к творчеству): когда речь об Обломове, литература, культурная жизнь всегда мыслятся в их отношении к его “я”. Правда, это отношение Обломова к культуре чаще всего носит комический характер, основанный на его неспособности к “нормальной жизни”: ненаписанные письма, не прочтенные книги, равнодушие к общественным вопросам, также как и сонное настроение, зевота или халат имеют разоблачительную, сатирическую функцию. Зато Обломов—способен писать или говорить с вдохновением, и в этих редких случаях он производит неотразимое впечатление (и этим частично объясняется, то что его высоко ценят как человека). Кроме того, важно подчеркнуть, что полукомический аспект далеко не определяет персонажа в целом: известный “гамлетизм” или “донкихотизм” Обломова включает в себе низменные элементы, неразрывно связанные с “благородными” чертами. К тому же, гоголевская традиция имеет здесь огромное значение: этот комизм—как, впрочем, “натурализм” и Физиологизм Гончарова—порождается характерным для Гоголя приемом выделения и детального описания микроскопических явлений (см. многочисленные анализы гоголевского “гротеска”), они неотделимы от заторможения ритма произведения и от пристальности взгляда наблюдателя; извлекаются из быта детали, до тех пор неописанные, хотя и общеизвестные: Обломов, когда за столом он переписывает заново одну фразу, или когда он не дочитывает книги—комичен, потому что близок к читателю: комизм играет, очевидно, свою традиционную, освобождающую функцию но, наряду с этим, неотделимо от сатирического портрета героя, идет процесс завоевывания литературой новых земель, а именно: тех якобы “мелочей” жизни, которые до тех пор не устаивались литературным существованием. “Патология” Обломова оказывается близкой к нашей “нормальности” она содержит в себе некую универсальность. Эту универсальность часто понимали на чисто психологическом уровне (споры об “Обломовщине”, об “Обломове, как русский тип” и т. д.): ограниченность такого подхода ясна, поскольку он подразумевает наивный критерий вне-литературной “нормальности” (внутри же произведения Што-

лиц—лицо не нормальное, а “сверхнормальное”, такой же предел, в конце концов как сам Обломов). Вопреки своей психологической, социологической или исторической характеристике, персонаж Обломова функционирует как динамическая личность, утверждающая себя несмотря на то (или: потому) что не может получить никакого позитивного определения. Штольц, как позитивный герой—и поскольку он является таким—предстает, в конце концов, как объект. Обломов же, несмотря на все свои слабости—а, может-быть, из-за них функционирует как субъект.

Итак, недаром Гончаров включил в самом начале романа эпизод спор с Пенкиным. Красноречивая тирада Обломова о том, что писатель должен жалеть самого недостойного героя, вводит диалектическое отношение между “низменным” и “возвышенным”, которое встречается на всех уровнях произведения: оно выражает гуманизм Гончарова (и таков прямой смысл тирады), но сверх морального аспекта имеется и художественный аспект: тут не только пафос “Шинели”, но и наследие творческой лаборатории Гоголя, диалектика микроскопического и универсального: более того, эта диалектика также отражает функционирование самого персонажа Обломова во всем произведении (в его непоправимой слабости, в сознании этой слабости состоят его динамичность и его обаяние). То, что характеризует художественно-моральную программу Гончарова, так же характеризует его главного героя, который—в отличие от Штольца—наделен творческой свободой.

Оттуда скрытое, но явное сходство между Обломовым и Писателем (причем следует различить Писателя от повествователя-моралиста, который часто является единомышленником Штольца). Недаром Гончаров прибегает к таким сравнениям, говоря о своем герое: “Что же он делал? Да все продолжал чертить узор собственной жизни. В ней он, не без основания, находил столько премудрости и поэзии, что не исчерпаешь никогда без книг и учености”⁴⁾. Легкая ирония тут не мешает тому, что Обломов предстает как мудрец или писатель, не нуждающийся в писании, чтобы мыслить творчески. Его неспособность жить может-быть—обратная сторона его призванности к высшей жизни. Вспомним романтическое представление писателя и стихотворение Пушкина “Поэт”:

Пока не требует Поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может всех ничтожней он.

4) Там же, стр. 66.

ОБЛОМОВ И ЛИТЕРАТУРА

Эти стихи—особенно последние—вполне применимы к Обломову. Как поэт у Пушкина “всех ничтожней он” и в этом, может быть, знак какой-то избранности. В моменты “вдохновенья” он превосходит всех (именно в таком порыве он и произносит тираду о призвании литературы): он лучший литературный критик, он же и лучший любовник. Но он также обречен быть недостойным самого себя, ниже всякой “нормальной” середины. Оттуда, например, очень распространенная в романе тематика взгляда (особенно в любовном эпизоде): взгляд одинаково выражает какую-то душевную пустоту, неспособность говорить или же высшую, вдохновенную форму общения.

Излишне подчеркнуть, насколько это романтическое представление о художнике сходно с некоторыми аспектами христианского учения. Как известно, символика поэта у Пушкина широко использует эту традицию: например близкое к “Поэту” стихотворение “Пророк” изобилует образами из Ветхого Завета. Образ же Обломова ближе к евангельскому духу, к духу смиренности и кротости, к учению о том, что “будут последние первыми”. Тут, конечно, не торжество божественной пророческой силы, а лишь смирение и упование; отсюда известное “славянофильское” истолкование образа Обломова (Сравнить стихотворение Хомякова “России”:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной
И всякой мерзости полна,
О недостойная избрания,
Ты избрана! (...)

Оттуда и известная сходность персонажа с образом Христа. Однако ясно, что Обломов, по своему существу, не может быть носителем вполне определенной символики. Его критика окружающего мира частична, несистематична, и она едва ли сознательно намекает на “иную”, гармоническую жизнь. Характерно то, что в отличие от пророка он скорее обращен к прошлому. В это прошлое нас вводит Гончаров благодаря известному “сну” Обломова. Сон—эпизод крайне сложный и многозначный. Сатирические и обличительные элементы в нем несомненно присутствуют, но по моему, далеко не занимают первое место. Доказательством к этому может служить хотя бы факт, что “сон” резко отличается от романа своей стилистической окраской. Несмотря на сатирические элементы, главная тональность—лирическая, и этот поэтический лиризм характеризует открывающийся перед нами мир детства Обломова. Он сглаживает все явления, в нем сливаются события, места и люди. Благодаря этому стилю этот мир получает свое единство и создается своего рода деревенская, почти в духе сентиментализма, идиллия.

Не менее поразительна сплоченность этого мира. Он замкнут в себе, остальной мир игнорирует и время в нем как будто не течет. Люди—взаимоменяемы, никаких ярких личностей нет, и даже молодой Обломов—ребенок условный, литературный, создание стиля.

Эти особенности—между многими другими—позволяют думать, что чтение “Сна” допускает два ключа, два истолкования: первый ключ дает сатирическую картину деревенской глуши: замкнутость, застой, лень, суеверие, низкая производительность труда, невежество и т. д. На этой картине здесь не стоит остановиться, поскольку советская критика неоднократно подчеркивала ее обличительное значение, тесно связанное с историко-социологической интерпретацией образа Обломова. Но вместе с этим возможен и другой ключ: мир детства Обломова тогда предстает как идиллический, поэтический, чуть ли не потерянный рай (и не для одного Обломова). Излишне подчеркнуть богатство этого текста с точки зрения психоанализа. В нем, бесспорно, наблюдается тяготение к Смерти (Танатос); тем не менее, было бы натяжкой объяснить его противоречивый характер одной “обломовской болезнью”, одним этим тяготением к бездействию, ко сну и к Танатосу. Другими словами “Сон” Обломова—не просто сочетание “пейзажа души” и обличительной картины русской деревни. Правда, Обломов—продукт этого мира, и “Сон”—история его “воспитания”, история его становления, известный в литературной традиции эпизод “детства героя”. Но это воспитание одновременно и “антивоспитание”: оно происходит стихийно, незаметно, пассивно (оттуда тема “взгляда” ребенка, который впитывает в себя все явления этой жизни), это воспитание без воспитателя, без модели, и Гончаров описывает его, избегая всякого узкого детерминизма. Главным остается всегда принцип “глобальности”: глобальности впечатлений (обломовская атмосфера охватывает все существо, исключительное художественное и моральное значение атмосферы), глобальности изображаемого мира (замкнутость Обломовки). Иначе говоря и здесь возможны два ключа: по чисто рационалистическим критериям сон описывает влияние среды на человека и Гончаров следует известной реалистической традиции европейской литературы. Но по другой интерпретации (не исключаяющей первой) Обломов—не столько продукт сколько представитель, “глашатай” этого мира. Тот самый факт, что Гончаров использовал прием “сна” (является ли Обломов продуктом сна, или сон продуктом Обломова? Как интерпретировать положение эпизода в временной цепи романа? и т. д.) свидетельствует об этой двойственности значения.

Особенный интерес представляет для нас “идиллическая” Обломовка (ясно, что термин “идиллическая”, здесь как и везде, используется условно, поскольку идиллия и реалистическое описание в тексте слиты вместе). Хотелось бы подчеркнуть тот факт, что по главным своим чертам она напоминает романтическую утопию, появившуюся в европейской общественной мысли в конце XVIII и в начале XIX

ОБЛОМОВ И ЛИТЕРАТУРА

и получившую отражение в русской славянофильской мысли XIX века.

Одна из главных особенностей утопии—в том, что она составляет собой замкнутую систему, без точных координат во времени и пространстве (большинство утопий относятся к будущему, некоторые же—в том числе Обломовка—относятся к прошлому, но во всех случаях понятие времени ставится под вопросом, оно скорее мифическое, чем физическое). Замкнутость Обломовки соответствует этому определению. Мало того, Обломовцы живут, как будто время остановилось: “Норма жизни была готова и преподана им родителями, а те приняли ее, тоже готовую от бабушки, а бабушка от прабабушки...”⁵⁾. Их жизнь не знает увлечения страстей, не знает “туманных умственных или нравственных вопросов”, отсюда и бездействие и покой, отсюда и вечная юность (“мужчины в сорок лет походили на юношей”) и исчезновение смерти как трагического или страшного переживания (“умирали как будто украдкой, тихо застывая и незаметно выпуская последний воздух”). В этом блаженном состоянии только труд—минимальный труд—еще напоминает о грехопадении. Любая утопия—реакция на существующий порядок, и нетрудно заметить, что жизнь в Обломовке—отрицание мира Штольца (труд, динамизм, любознательность) и даже мира Ольги (страсть). Вообще эта жизнь—отрицание всякого индивидуализма: личность человека целиком отождествляется с традицией и с обществом: отсюда исключительное значение обрядов, обеспечивающих личное и общественное счастье, повторяемость цикла жизни.

Небольшим уважением пользуется в этом мире литература в современном (Гончарову или нам) смысле этого слова: об отце Обломова говорится что он “усвоил себе и то полупрезрение к писателям, которое питали к ним люди старого времени”⁶⁾. Литератор для него мало отличается от шута, и литературные произведения—пустые вымыслы избалованного индивидуума. Зато, фольклорная литература пропитывает всю жизнь в Обломовке, она отражает и выражает чувства и чаяния целого народа, до такой степени срачиваясь с этим народом, что сказки, легенды, песни не отличаются от таких форм коллективного воображения, как обряды, предания, верования, “приметы”. Жизнь каждого как бы спонтанно отождествляется с структурами коллективного воображения, в котором разбавляется специфичность литературы в современном смысле.

Очевидно, некоторые особенности этого мира (например критика индивидуализма, значение традиции), близки к романтическим консервативным утопиям, в частности, как мы уже отметили, к славянофильской мысли. Однако, здесь нас не столько интересует идеологическая позиция Гончарова (напомним, кстати, что описание Обломовки одновременно идиллическое и сатирическое), сколько понятие литературы и его функционирование в этой утопии и в романе. Ясно, что литература

5) Там же, стр. 126.

6) Там же, стр. 141.

или, точнее, слово, живое слово фольклорного творчества или народного предания занимает в Обломовке первое место: слово—ум и душа народа, цемент общества; благодаря слову сохраняются обряды, выражается народное мирозерцание, обеспечиваются гармоничность и слитость общества. Тут выражается романтический миф, о котором свидетельствует, например, стихотворение Баратынского “Приметы” (1839):

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал
Ловил ее знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала,
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.

(...) Но чувство прозрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий
И сердце природы закрылось ему
И нет на земле прорицаний.

Это противопоставление: (точные науки, рассудочность, одиночество человека в современном мире с одной стороны, чувство, живое слово, гармония человека и космоса в прошлом, с другой стороны) может служить комментарием ко “Сну” Обломова. Также напомним, что гегелевское истолкование греческого эпоса, как полное отражение народной жизни широко известно и принято (см. брошюру Аксакова “Несколько слов о поэме Гоголя “Приключения Чичикова или Мертвые Души”. Славянофилы, как например Киреевский, считают, что Гомер как и русский фольклор, живой и плодотворный пример для современной русской литературы, потому что, они оба отражают подлинную народность, в отличие от “вычурных писателей” старых народов⁷⁾. Недаром во “Сне” Обломовцы заливаются “гомеровским смехом”: они еще жители того древнего мира, в котором литература, мирозерцание, ежедневный быт составляют одно целое, в котором понятие личности и понятие времени почти отсутствуют. Нетрудно было бы вести параллель между этим миром Обломовки и некоторыми славянофильскими темами, как например идея

7) Письмо к В. А. Жуковскому, 28 января 1845, *Полн. собр. соч.*, т. II, стр. 237.

ОБЛОМОВ И ЛИТЕРАТУРА

об органическом развитии общества, о “целостности” старых обществ или даже идея “соборности”. Однако, повторяю, подобные сравнения неизбежно искажают творческий замысел Гончарова, поскольку на идеологическом уровне Обломовка одновременно утопия и антиутопия (характерно, например, что гомеровский смех вызван пустяковым случаем, в духе гоголевской сатиры). Невозвратно исчезнувший мир не идеализируется; зато новый мир, мир Штольца, обречен на борьбу, на мучительные искания: “Мудрено и трудно жить просто!” говорит он (Штолец) часто себе и торопливыми взглядами смотрел, где криво, где косо, где нить шнурка жизни начинает закручиваться в неправильный, сложный узел.”⁸⁾ Дух современности, историческое чувство, отделяющие новый мир от Обломовки, мало чем отличаются от второго грехопадения. Таким образом, такие понятия, как “пустота жизни” “полнота жизни” функционируют лишь относительно, в пределах одного мира, одной системы: Обломовка и мир Штольца себя взаимно исключают и, тем самым, отрицается возможность общей шкалы ценностей.

Обломов, как современный интеллигент, признаёт ценности нового мира, но признаёт он их пассивно, то-есть оставаясь при этом верным обломовцем. Зато, он принадлежит Обломовке всем своим существом и его “обломовщина”—помимо известных пагубных последствий—придает ему не только редкое обаяние или душевную теплоту но и удивительную способность видеть ограниченность и неполноценность современной жизни: оттуда его критики современных литераторов, его выпады на пустую светскую жизнь и т. д. Иначе говоря, обломовщина одарила его, в многих немаловажных вопросах, “абсолютным слухом”, как говорят в музыке. В этом отношении, конечно, Обломов ближе всех к писателю, и не только к писателю Гончарову (чье мнение его высказывания часто и бесспорно отражают), но и к идеальному Писателю-Художнику. Между Обломовкой и художественным творчеством имеется тайная связь. Вспомним описание жизни обломовцев: “Ничего не нужно: жизнь, как покойная река, текла мимо их; им оставалось сидеть на берегу этой реки и наблюдать неизбежные явления, которые по очереди, без зову, представали для каждого из них⁹⁾. Тут идея спокойного созерцания неотделима от идеи полноты жизни, и повторяет известное сравнение Гончарова жанра романа с рекой. Эта предельная пассивность, которая осуждается Штольцом и не в меньшей степени—самим автором, тем не менее путь к общению с жизнью во всей своей глубине.

Недаром литература и культура в романе представляются преимущественно в тех социальных аспектах, которые мы уже упомянули (чтение книг, журналов, музеи и т. д.), как социальный институт. Комизм образа Обломова, его неспособность

8) Там же, стр. 168.

9) Там же, стр. 126–127.

интересоваться тем, чем социально “положено” интересоваться (только Ольга заставляет его бегать по библиотекам)—только обратная сторона этой близости к тайным истокам творчества. Подобно тому, как Гоголь сумел творить из мелочей великие создания, Обломов умеет найти свое счастье или (проще и глубже) “жизнь” в самом незначительном. Тем самым, он отделяется от общества людей, становится чужим и непонятым. Он—свидетель другой реальности, того обломовского мира, который нельзя перевести на язык современного мира. Иначе говоря, он—представитель того вечного, неосознанного, первозданного, которое мыслится Гончаровым-художником как источник художественного творчества. Конечно—Обломов не писатель (хотя бы по тому, что энергии и особого таланта к этому у него нет); но его, также как и писателя или художника, завораживает то невыразимое, которое вечно проходит через сеть социальных институтов и определений и обозначается условным термином: “жизнь”. Не будучи в состоянии творчески преодолеть эту свою ситуацию, он обречен стать “мучеником” (то-есть по-гречески “свидетелем” и его судьба—в полупародийном виде—повторяет идеальную судьбу художника-жертвы “мира” в романтических концепциях (см. выше о “Пророке” Пушкина).

Оттуда и возможное религиозное истолкование его образа: этот мученик—полу-юродивый полу-святой—воплощает какое-то вечное начало. Помимо своей воли он оказывает неотразимое влияние на близких, как мудрец или святой (таким он остается после своей смерти в глазах Агафьи и Захара). Он лучше всех помнит о настоящем призвании литературы и осуждает ее современную ограниченность. Даже любовная интрига и ее неудача свидетельствуют о несостоятельности современной культурной модели, определяющей любовные отношения (“страсть” неизвестна в Обломовке и не раз подвергается к резкой авторской критике в романе). Тогда, как победы Штольца всегда под сомнением и под угрозой, поражения Обломова получают иной, творческий смысл.

Об этом превращении ценностей лучше всего свидетельствует смерть Обломова: “Что же стало с Обломовым? Где он? Где? — На ближайшем кладбище под скромной урной покоится тело его, между кустов, в затишье. Ветви сирени, посаженные дружеской рукой, дремлют над могилой, да бесмятежно пахнет полынь. Кажется, сам ангел тишины охраняет сон его¹⁰⁾ “Дальше (...)” Агафья Матвеевна застала его так же кротко покоящимся на одре смерти, как на ложе сна, только голова немного сдвинулась с подушки да рука судорожно прижата была к сердцу, где, повидимому, сосредоточилась и остановилась кровь”¹⁰⁾.

Тут смерть подлинного обломовца, похожая на сон: такая смерть как событие почти отрицается: о ней говорят уже в прошлом, и физиологический аспект сведен до минимума. Хотя, судя по логике Штольца, эта преждевременная смерть объяс-

10) Там же, стр. 499.

ОБЛОМОВ И ЛИТЕРАТУРА

няется физической инерцией и психопатологией, на самом деле в ней подчеркивается торжество духа: описание этой смерти—момент поэтический, лирический, по своей тональности напоминающий лучшие описания Обломовки. Дискретно использована присущая Обломову символика (сирень, сон, тишина, кротость). Последняя картина—в традиции религиозной живописи: ступёвываются индивидуальные черты для возвеличения духа.

Итак, многозначный образ Обломова включает в себе черты, которые далеко идут за пределы любой социо-исторической характеристики. Через известную “обломовщину” проступает иная проблематика: не только диалектическое отношение старого мира с новым миром, но и метафорическое представление художника, который мыслится как “сторож бытия”, представитель или отражение невыразимого, не осознанного общественной мыслью. Пародийный—или скорее: негативный—характер героя Гончарова не столько свидетельствует о разоблачении запоздалой романтической концепции художника, сколько о ее метаморфозе: таким образом, идя по пути реализма, Гончаров преодолевает ограниченность современного ему реализма.

Обратимся, наконец, к началу последней главы романа. Идет разговор Штольца с приятелем литератором (о котором не было и речи до сих пор в романе).

“Они поравнялись с церковью; обедня кончилась, и народ повалил на улицу; впереди всех нищие. Коллекция их была большая и разнообразная.

—Я бы хотел знать, откуда нищие берутся? —сказал литератор, глядя на нищих.

—Как откуда? Из разных щелей и углов наползают.

—Я не то спрашиваю, —возразил литератор, —я хотел бы знать: как можно сделаться нищим, стать в это положение? Делается ли это внезапно или постепенно, искренно или фальшиво? ...

—Зачем тебе? Не хочешь ли писать “Mystères de Pétersbourg”?

—Может быть ... лениво зевая, проговорил литератор.”¹¹⁾

Сразу же после этого обмена словами, появится нищий, в котором Штолец узнает Захара. Нетрудно узнать в словах Штольца отражение поверхностных взглядов Пенкина о литературе. Недаром вопросы его собеседника—гораздо глубже: этот эпизодичный персонаж, оказывается, никто иной, как будущий автор романа (это он напишет “Обломов”). Посмотрим на него внимательнее; он описан несколькими штрихами: “полный, с апатическим лицом, задумчивыми, как будто сонными глазами”¹²⁾. Нет сомнения: здесь повторяется описание нашего героя: роман Гончарова написал не Штолец а Обломов.

11) Там же, стр. 504.

12) Там же, стр. 503.